Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин

(Материалы к жизнеописанию)

Часть 8 СЛУЖЕНИЕ В ФЕОДОРОВСКОМ СОБОРЕ

Отец Владимир Шамонин с дочерьми. Конец 20-х – начало 30-х годов

23 февраля 1914 года о. Владимир официально переводится к подворью Феодоровского мужского монастыря Нижегородской епархии. Незадолго до этого, 15 января 1914 года был торжественно освящен главный придел большого собора, построенного в память 300-летия царствования Дома Романовых в честь Феодоровской иконы Божией Матери. (Первый камень в основание Собора при подворье был заложен 5 августа 1911 г.). На этом освящении присутствовал Государь с дочерьми – Великими Княжнами, члены Императорской фамилии, потомки тех, кто подписал грамоту об избрании Михаила Феодоровича на царство (что и стало началом царствования Романовых), и многие другие высокопоставленные богомольцы.

Вероятно, о. Владимира перевели сюда именно ради этого величественного собора, построенного по проекту архитектора С.С. Кричинского в стиле ростовских храмов XVII века. Предыдущая подворская церковь (Феодоровской иконы и свт. Алексия) была мала (вмещала всего 300 человек) и имела, видимо, местное значение. Новый собор становился весьма заметен в городе и, наряду с монашествующими священнослужителями, которые традиционно не могли, например, совершать венчаний, должен был, видимо, иметь и представителя белого духовенства. В любом случае, это было почётное назначение.

На момент назначения о. Владимира при храме, в подворье жило 15-18 насельников, из них семь – были священниками: настоятель соборного храма архимандрит Алексей, 57-ми лет, кавалер ордена князя Владимира IV степени, принявший постриг в 1887 г., и шесть иеромонахов: 38-летний казначей иеромонах Смарагд, 42-летний ризничий иеромонах Писий, 48-летний иеромонах Виталий, 34-летний иеромонах Ювеналий, заведовавший свечной торговлей, 50-летний иеромонах Амвросий, 33-летний иеромонах Досифей. Также на подворье жили три иеродиакона, остальные – певчие, пономарь, звонарь и ответственный за часовню – послушники.

Приняв назначение в собор, о. Владимир получил большую квартиру на Старо-Невском проспекте вблизи Александро-Невской Лавры.

О службе в соборе о. Владимира Шамонина до российских потрясений 1917 г. не известно практически ничего. Может быть, за исключением одной небольшой, но важной черточки. Вблизи собора находилась (да и сейчас находится) до сих пор крупнейшая в России клиническая инфекционная «Александровская городская барачная больница», ныне носящая имя своего первого куратора – известного на весь мир талантливого врача-исследователя С.П. Боткина. Духовно окормляли больницу насельники подворья. О. Владимир мог бы обойти эту обязанность, что ему советовал настоятель, ведь у него были семья, дети, а у всех остальных – лишь монашеские обеты. Но о. Владимир не отказался от этого послушания и исповедовал, приобщал и соборовал тяжелобольных заразных пациентов «Боткинских бараков» наряду с чёрным духовенством подворья. Он завёл дома арсенал дезинфицирующих, по представлениям науки того времени, средств, но в целом, наверное, полагался на волю Божью.

После 1917 г. (к 1919-му году) подворье монастыря было упразднено, но это на тот момент стало лишь формальностью: храм стал официально приходским, хотя при нём, по прежнему, жили служащие здесь иеромонахи, иеродиаконы и послушники. Новая власть внедряла представление о том, что священнослужители являются лишь обслуживающим культовые потребности граждан персоналом. После этого антирелигиозная пропаганда должна была стать инструментом уничтожения церкви как – если не будет верующих, то и храмы не нужны, а сами «служители культа» как, с точки зрения новой власти, выгодополучатели – не в счёт. «Нет заказчиков – нет и услуги». Хотя в первые годы было пока не до антирелигиозной пропаганды, или притеснений верующих. Храм, как мы увидим далее, жил вплоть до начала 20-х гг. весьма активной жизнью.

К весне-лету 1919 года относится весьма интересное архивное дело из фонда Феодоровского собора Центрального городского исторического архива Санкт-Петербурга с заявлениями верующих о принятии их в члены прихода, ярко иллюстрирующее вышеупомянутое представление власти. Из этого дела понятно, что каждый, кто хотел бы быть членом общины прихода, кто хотел бы причащаться и молиться в храме, должен был, по требованию власти, подать в приходской совет заявление на специально-отпечатанном типографском бланке. В этом заявлении нужно было, кроме обычной информации указать своё социальное положение (бывш. крестьянин, рабочий, служащий, бывший дворянин и т.п.), место работы, перечислить членов семьи и указать размер ежегодного добровольного взноса в церковную кассу. В этом объёмном деле – более 300 заявлений и интересны они тем, что дают реальный срез прихожан первого «послереволюционного» периода по социальным группам. Они написаны реальными людьми, какие-то печатными буквами с грамматическими ошибками, какие-то идеальным каллиграфическим почерком. Наверное, такая практика просуществовала очень недолгое время, так как в исторических исследованиях автор не встречал о ней упоминаний. Но каждое из заявлений – это как кирпичик здания храма, ведь от такой публичной декларации человеком членства в общине зависело её существование…

На 1920 г. настоятелем Феодоровского собора был архимандрит Досифей (в миру Гавриил Григорьевич Стефанов, 1883-1937), а всего при храме служило семь священников: архимандрит (настоятель), игумен, четыре иеромонаха и только один – «семейный» священник – о. Владимир.

Батюшка был в очень хороших отношениях со своими монашествующими сослужителями. По воспоминаниям Зои Владимировны Шамониной *«настоятель подворья архимандрит Досифей любил и ценил отца, бывая у нас дома, играл с нами, детьми. Младшая, Верочка, называла его «батюшка-куколка» (архимандрит был небольшого роста, худенький и подвижный, с точеными чертами нежного лица и кольцевидными локонами по плечам, которые, хотя были сплетены, связаны и спрятаны, всё же упрямо вырывались наружу и к нашему детскому веселью прыгали, как бы играя, по его плечам)»*. Разумеется, такие детские воспоминания не могли бы остаться о человеке надменном, чопорном, угрюмом и чрезмерно «начальственном», наоборот они свидетельствуют об обратном – доброте, взаимопонимании между душами инока и ребёнка, чуждости малейшего показушного «святошества».

Поэтому коснёмся судьбы о. Стефана, ровесника о. Владимира и друга его семьи. Вот что о нём известно. Уроженец деревни Ходяшево, что в Казанской губернии, Лаишевском уезде, Пановской волости, он в 1908 году принимает монашеский постриг (информации о месте его обучения и вообще образовании автору этих строк обнаружить не удалось), с марта 1913 года проживал при Феодоровском соборе, хотя (?) до 1917 года служил в придворной церкви Царского Села иеромонахом. С 1917 по 1919 гг., получив сан архимандрита, служил в Александро-Невской Лавре, с 1919 по 1924 гг. – настоятель Феодоровского собора. В 1924 году был арестован по делу о Спасском братстве, и осуждён на 2 года, но отпущен «по состоянию здоровья» через три месяца. С 1926 года по формулировкам официальных церковных документов «уклонился в обновленческий раскол». (Когда в нашем повествовании мы доберёмся до этого времени в судьбе о. Владимира Шамонина, нам станет понятно очень многое). В 1927 году в обновленчестве принял сан епископа. Был епископом Козловским (1927-1928), Тихвинским (1928-1929), Гомельским (1929), Могилёвским (1932-1933). В 1933 году принёс покаяние и был принят в общение с Московской патриархией в сане архимандрита, почти сразу же арестован, приговорён к 8 годам ИТЛ, с заменой на пятилетнюю ссылку в Северный край, Харовский район (ныне – Вологодская обл.). В ссылке арестован в мае 1937 года, по приговору «шпион польской разведки» тройки УНКВД по Северной обл., расстрелян 31 августа 1937 года…

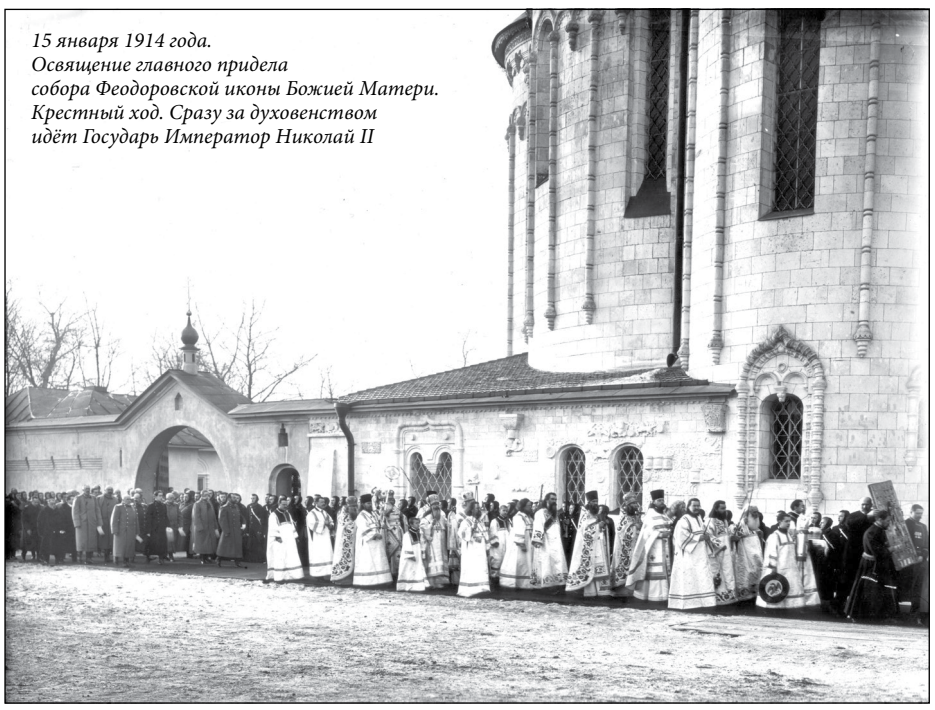
К сожалению, о служении в Феодоровском соборе о. Владимира осталось очень мало документальных свидетельств. Вышеупомянутый архивный фонд содержит преимущественно дела хозяйственного, или финансового характера, больше половины дел относится к периоду, когда о. Владимир в Феодоровском соборе уже не служил (то есть после 1922 г.). Перезаказав практически все дела, и отчаявшись найти что-либо, автор этих строк уже решил прекратить всякие новые попытки и ограничиться двумя вышеприведёнными эпизодами из воспоминаний самого Парголовского старца, записанных его дочерью. Но неожиданно в самом последнем из заказанных дел за 1920 г, с весьма про-

заическим заголовком, долгожданные следы деятельности о. Владимира Шамонина на приходе выявились, и очень ярко. А именно – в виде документов, написанных его рукой.

В эту эпоху раннего советского бюрократизма, торжественных заседаний по любому малейшему поводу под красными транспарантами с лозунгами, церкви обязали также проводить регулярные «общеприходские собрания», протоколы которых проверялись «советской» властью. Поскольку, как мы уже отметили выше, священнослужители был низведены до роли «обслуживающего персонала» место председателя собраний должен был занимать председатель приходского совета. В 1920 г. им был Иван Иванович Луговой, а о. Владимира Шамонина назначали неизменно «секретарём собрания», поэтому в протоколах узнаётся его характерный почерк.

Но самое настоящее сокровище открылось в конце дела. Это – отчёт об общей деятельности храма с весны 1920 г. по весну 1921 г., с перечислением важнейших событий. Мы приведём этот документ полностью в следующем номере газеты. Во-первых, он имеет ценность, как написанный рукой о. Владимира, с характерными для него оборотами и формой изложения, во-вторых, он важен для понимания атмосферы эпохи, ставшей частью жизни замечательного человека, о котором мы рассказываем, ну и в-третьих, наши заметки давно уже вышли из сферы только жизнеописания о. Владимира, и этот документ будет интересен нынешним прихожанам собора, и людям интересующимся не только батюшкой, но и историей церкви и города.

Олег Куликов



15 января 1914 года. Освящение главного придела собора Феодоровской иконы Божией Матери. Крестный ход. Сразу за духовенством идёт Государь Император Николай II

Продолжение следует